

С. Н. Ковальчук

АЛЕКСАНДР ВЕЙДЕМАН — ФИЛОСОФ ИЗ ПЕТЕРБУРГА. НЕПАРАДНАЯ БИОГРАФИЯ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

С начала 1920-х годов Рига стала одной из столиц русского зарубежья. Логичен вопрос о сохранности архивов российских эмигрантов в Латвии. Сведения о российских эмигрантах можно найти в богатых фондах Латвийского государственного исторического архива. Так, в результате многолетних поисков удалось собрать в различных фондах этого архива сведения о педагоге и философе Александре Вейдемане, прояснить детали его жизни в Латвии, установить дату и место захоронения. Вейдеман был выпускником Санкт-Петербургского университета, учеником проф. Александра Введенского (1856–1925). В Латвии философ написал и опубликовал много книг по философии. Его научные поиски пролегли от неокантианства к неогегельянству. Вейдеман тесно общался с коллегами из Каунасского университета, в 1927 г. защитил в этом университете докторскую диссертацию. С юности дружеские отношения связывали Вейдемана с философом Василием Сеземаном (1884–1963). Библиогр. 23 назв.

Ключевые слова: Вейдеман, неокантианство, русские эмигранты в Латвии, Латвийский государственный исторический архив.

S. N. Kovalchuk

ALEKSANDER VEIDEMAN — PHILOSOPHER FROM ST. PETERSBURG. UNOFFICIAL BIOGRAPHY ON THE BASIS OF ARCHIVAL SOURCES

Since the beginning of the 1920s, Riga became one of the capitals of the Russian diaspora. The logical question is about the preservation of the archives of the Russian emigrants in Latvia. Information about the Russian emigrants can be found in the rich collections of the Latvian State Historical Archives. So after years of searching managed to raise funds in a variety of life information about the schoolmaster and philosopher Aleksander Veideman, to clarify the details of his life in Latvia, set the date and place of burial. Veideman was a graduate of St. Petersburg University, a disciple of prof. Aleksander Vvedenskii (1879–1943). In Latvia the philosopher wrote and published many books on philosophy. His scientific research ran from Neo-Kantianism to Neo-Hegelianism. Veideman close contact with colleagues from the Kaunas University, in 1927 he defended at this university doctorate. From his youth he retained friendly relations with the philosopher Vasili Sezeman (1884–1963). Refs 23.

Keywords: Veideman, Neo-Kantianism, Russian emigrants in Latvia, Latvian State Historical Archives.

В России после октябрьского переворота 1917 г. начался так называемый русский, вернее, российский «бег» — исход всех тех, кто искал спасения от «окаянных дней» революции, от потерь и неудач Первой мировой войны, кровопролитной Гражданской войны. И этот «бег» начался за несколько лет до принудительной высылки интеллигенции в сентябре — ноябре 1922 г. Акция новой советской власти 1922 г., часто называемая в литературе «философским пароходом», символически обозначила определенный этап, но отнюдь не завершение исхода, продолжавшегося и в последующие годы. В рижских газетах много лет публиковались списки въехавших в страну. С начала 1920-х годов Рига невольно обрела статус одной

Ковальчук Светлана Николаевна — доктор философских наук, ведущий исследователь, Институт философии и социологии Латвийского университета, Латвия, LV 1050, Рига, бульвар Калпака, 4; sv.kovalchuk@gmail

Kovalchuk Svetlana Nikolajevna — Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia, 4 Kalpaka boulevard, Riga, LV 1050, Latvia; sv.kovalchuk@gmail

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

из столиц русского зарубежья — стала одним из городов, куда поезд из Москвы привозил людей, нашедших легальный способ покинуть советскую Россию. Одни задерживались ненадолго и ехали далее в Европу в поисках более комфортных условий проживания, другие оставались в Риге на годы. Многие из недавних подданных Российской империи, оказавшись в полупринудительной, полудобровольной разлуке с родиной, осознали, что главными задачами эмигрантов стали защита России перед лицом Европы, по возможности, подвижнический труд на поприще сохранения русской культуры, просветительства во имя духовного богатства будущей свободной России.

При поиске сведений о российских эмигрантах, как правило, приходится обращаться к разным богатым фондам Латвийского национального архива — Латвийского государственного исторического архива. Конечно, осуществлять полноценную работу возможно при знании латышского, русского, немецкого и других языков. Богатую информацию содержат фонды русского и еврейского отделов Министерства образования Латвии (ф. 2125, оп. 1, 4), фонд персональных дел учителей Министерства образования Латвии (ф. 1632, оп. 1); фонд персональных дел преподавателей Латвийского университета (ф. 7427, оп. 13); коллекция паспортов Рижской префектуры (ф. 2996). Интересные документы можно отыскать в фонде Административного департамента Министерства внутренних дел Латвии (ф. 3234, оп. 24), почерпнуть сведения из фондов частных учебных заведений Латвии.

Изначально научный интерес автора данной статьи был нацелен на историю русской эмиграции в Латвии в межвоенный период. Поэтому и для выяснения судьбы педагога, философа Александра Викторовича Вейдемана был начат кропотливый поиск с использованием разнообразных фондов архива. Первая публикация о Вейдемане была напечатана в мае 1989 г. Тогда наследники А. В. Вейдемана не сочли нужным откликнуться на эту публикацию и сделали встречные шаги только через 24 года, раскрыв детали его биографии, поделились семейным фотоархивом.

Парадная биография философа

А. В. Вейдеман предусмотрительно оставил для своих будущих сторонников и исследователей два свидетельства — две биографии научного успеха, содержащие сведения о духовных исканиях от последних классов гимназии и до 1939 г., о друзьях и единомышленниках — Петре Кириллове, Василии Сеземане, Николае Болдыреве, Сергее Гессене. Воспоминания уникальны в том смысле, что позволяют в какой-то мере воссоздать атмосферу неокантианских штудий в среде выпускников Петербургского университета в предреволюционные годы [Ковальчук 1998, с. 115–231; Ковальчук 2009b, с. 65–93; Ковальчук 2009a, с. 139–144]. Об этом философ подробно написал в небольших главах «Мой философский путь» и «Мои труды» в двух монографиях: «Трагика как сущность искусства, религии и истории» (Рига, 1938), «Оправдание зла» (Рига, 1939), в которых, однако, опустил детали личной жизни.

Согласно скупым автобиографическим свидетельствам философа, он принадлежал к семье балтийских немцев. Дед Юлий Вейдеман в середине XIX столетия покинул Курляндию, родной город Митаву (ныне — Елгава), в котором жило не одно поколение Вейдеманов, и поселился в Петербурге. Дед был немцем по рождению

и протестантом по вероисповеданию, а по роду занятий — предположительно купцом. Как для деда, так и для отца Вейдемана, Виктора Юльевича, германское происхождение и воспитание, причастность к германской культуре составляли особую гордость. В то же время это не помешало ему — выпускнику петербургского немецкого реформаторского училища — предложить руку и сердце православной девушке Вере Автономовне Техницкой.

Александр Вейдеман сообщил о себе еще и такие подробности: родился в Петербурге, на Почтамтской улице, в доме крестного отца, купца А. К. Пампея, 18 мая (по-новому стилю — 30) 1879 г., крещен был по православному обряду в Адмиралтейском соборе. «Мой отец, — писал Вейдеман, — принадлежал к числу тех немцев, которые в политическом смысле были более русскими, чем немцами, а в религиозном более православными, чем протестантами». Любовь ко всему немецкому уживалась в семье с пристрастностью к русской культуре, языку, «к эстетизму» православного богослужения. Мать, Вера Автономовна, сочетала в себе широту русской природы, хорошую образованность и религиозность, но религиозность «порывами и переходами». Религиозное различие родителей в семье способствовало тому, что трое сыновей получили весьма либеральное религиозное воспитание, сведшееся к изучению Закона Божьего в стенах 9-й (Введенской) классической гимназии.

Поступление на философское отделение не было случайным выбором: Эпикур, Л. Н. Толстой, И. Кант, А. Шопенгауэр, Г. В. Лейбниц, Б. Спиноза, многие другие философы и писатели входили в список любимых авторов Вейдемана уже с раннего возраста. Обучаясь в Петербургском университете на историко-филологическом факультете с 1899 по 1903 г., он слушал лекции кантианца проф. А. И. Введенского, оказавшего на студентов «громадное педагогическое воздействие» своим солипсистическим трансцендентализмом.

Одно из первых выступлений Вейдемана в студенческом философском обществе, руководимом проф. А. С. Лаппо-Данилевским (1863–1919), состоялось 22 марта 1901 г. В докладе «Опыт реформы философии Канта» Вейдеман совершил, как он сам утверждал, решительный переход от кантианства Введенского к гегельянству [Вейдеман 1939, с. 201]. Одним из его оппонентов был философ, писатель и поэт Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926) [Ковальчук 2008, с. 185–210], который в тот год завершал обучение на историко-филологическом факультете по славяно-русскому отделению.

Основателями Философского кружка, возникшего осенью 1903 г., стали Вейдеман и его старший товарищ Петр Андреевич Кириллов (1874–1910). С 1908 г. кружок именовался, как утверждал философ, «С.-Петербургское философское собрание». Помимо Вейдемана и Кириллова в него входили Николай Васильевич Болдырев (1882–1929), Василий Эмильевич Сеземан (1884–1963), Николай Августович Гартман (1882–1950), Сергей Иосифович Гессен (1887–1950), инженер Владимир Робертович Фремке (?–1925). Постепенно члены философского собрания «покинули кантианство в его когенианской формации». Одни перешли к «высшему» эмпиризму, как, например, Сеземан и Гартман. Другие, как Фремке и сам Вейдеман, — к гегельянству.

По версии Нины Дмитриевой, исследователя истории неокантианства в России, Вейдеман по крайней мере дважды в зимние семестры 1903/1904 г. и 1911/1912 г. побывал в Марбурге и «слушал когеновские лекции о кантовской системе (учение

об опыте, этика и эстетика) и занимался в его семинаре по Критике чистого разума» [Дмитриева 2007, с. 170–171]. Однако сам Вейдеман о таких научных штудиях в Марбурге ни разу не упомянул. Не подтвердила версию Н. Дмитриевой и внучка Вейдемана Андромеда Львовна Вейдеман.

Фамилия Вейдемана упоминается в жизнеописании С. И. Гессена, когда он рассказывает о своих выступлениях в Петербурге, к сожалению, без указания точной даты этих выступлений в Философском обществе при университете — в обществе «друзей философии, которое собрало все молодые философские силы (Н. В. и Д. В. Болдыревы, А. Вейдеман и другие, в среде которых была весьма популярна так называемая Марбургская школа). Доклады и дискуссии во время заседаний, — отмечал Гессен, — помогли мне в изучении этого неокантианского течения» [Гессен 1994, с. 156].

Далее Вейдеман продолжал рассуждать о судьбе своих единомышленников далеких студенческих лет: «Только один Н. В. Болдырев оставался до самого моего отъезда в Латвию на точке зрения когенианства, но и он в последние годы колебался». По отношению к С. И. Гессену Александр Викторович был настроен весьма критично: «В двадцать лет защитил он у Риккерта свою диссертацию об “индивидуальной причинности”, где заявил себя ревностным его учеником. Так и окаменел в своем риккерттианстве» [Вейдеман 1939, с. 202]. «С.-Петербургское философское собрание» действовало, правда, с перерывами и в 1918–1919 гг., и позже, до отъезда Вейдемана в Латвию, т. е. до октября 1923 г.

В Латвии Вейдеман испытал новый подъем духовных сил, отразившийся на его философском творчестве. Судя по рецензии, написанной Марком Вайнтробом и помещенной в рижской газете «Народная мысль» в № 109 за 1924 г., Вейдеман по прибытии вскоре напечатал в Риге небольшим тиражом рукопись монографии под названием «Логика достаточного основания», однако в коллекциях рижских библиотек это издание не сохранилось. Доработанный и дополненный научный труд «Мышление и бытие. Логика достаточного основания» увидел свет 4 октября 1926 г. (хотя издание помечено 1927 г.) благодаря содействию Латвийского фонда культуры. Выход в свет этой монографии стал основанием для знаменательного события в жизни ее автора — защиты в 1927 г. в литовском Ковенском (Каунасском) университете диссертации для получения степени доктора философии. Кстати, Вейдеман начал писать эту книгу еще в начале 1900-х. Первым читателем набросков в 1913 г. был В. Э. Сеземан. Многочисленные рецензии, лекции, дискуссии подвигли Александра Викторовича продолжить работу. 6 сентября 1930 г. вышла в свет вторая его книга — «Мир как понятие. Мышление и бытие» (издание помечено 1931 г.). Некогда петербургский профессор-искусствовед Николай Исидорович Мишеев (1878–1947) в рижской газете «Я все знаю» высоко оценил работы Вейдемана: «Профессора философии перестали быть философами, и философы перестали быть профессорами философии, как это было в античной Элладе и в старой Германии, и славные традиции этих классических философских стран — исчезли, золотой век, век философии окончился. Остались только историки, критики и комментаторы прежних мыслителей» [Мишеев 1932, с. 2].

8 мая 1936 г. вышла из печати монография «Трагика как сущность искусства, религии и истории. Теория пантрагизма». В том же году издание было повторено, но дополнено автобиографическим материалом «Мой философский путь».

В 1938 г. эта книга была переиздана вновь. Три перечисленные монографии Вейдемана в 1936–1937 гг. были пополнены дополнительными главами, публиковавшимися за счет автора как отдельные книги.

В 1939 г. увидела свет последняя монография Александра Викторовича — «Оправдание зла». Как полагал сам автор, только в ней он ответил «на все философские вопросы строго и определенно» [Вейдеман 1939, с. 203]. Григорий Ландау (1877–1941), писавший рецензию на книгу, иронично по этому поводу заметил: «Обыкновенно критика и история отвергают такую уверенность мыслителя в своей правоте. Но с другой стороны, без уверенности в ней не бывает настоящего мыслителя» [Ландау 1940, с. 6].

Из журнальных публикаций Вейдемана латвийского периода жизни важно отметить две статьи, появившихся в 1930/1931 г. в пражском издании «Der russische Gedanke» («Русская мысль»): «Das Denken und sein Schaffen» и «Der Begriff des Absoluten» (Hft. I–II). Инициатором, редактором издания был Борис Валентинович Яковенко (1884–1949). Имя Вейдемана упомянуто в монографии Б. В. Яковенко «Мощь философии» (СПб., 2000). Американский ученый Томас Неметц (Thomas Nemeth), знаток истории кантианства и неокантианства в России, автор множества публикаций, обнаружил дарственную надпись на книге «Оправдание зла», подписанную Вейдеманом 13 марта 1940 г. Б. В. Яковенко. В латышской периодической печати удалось найти только одну небольшую статью А. Вейдемана «Материализм», опубликованную в газете «Daugava» в 1928 г.

Начиная с 1928 г. в газете «Слово», а потом каждые пять лет в газете «Сегодня» публиковались юбилейные заметки о Вейдемане. Так, в 1928 г. в газете «Слово» за № 986 была напечатана заметка «25-летний юбилей проф. А. В. Вейдемана». Тем самым были отмечены 25-летие окончания ученым университета и основания «Петербургского философского собрания», наконец, и удачная защита в 1927 г. в Ковенском университете докторской диссертации «Мышление и бытие».

А. Вейдеман очертил круг людей, приязненно относившихся к нему в годы эмиграции: в Каунасе это были В. Э. Сеземан, И. Е. Штраух и Л. П. Карсавин (1882–1952), в Риге — Каллистрат Жаков, латышские философы Теодор Целмс (Celms; 1893–1989), Юлий Студентс (Students; 1898–1964). Кстати, на философском отделении Латвийского университета успешно трудился проф. Петерис Залите (Zālite; 1864–1939), защитивший в начале 1890-х годов в Германии диссертацию по философии И. Канта. К тому же Залите был связан профессиональными контактами с проф. А. Введенским. Общался ли с ним Вейдеман, неизвестно. Схожесть неурочной научной судьбы сблизила Александра Викторовича с философом Марком Даниловичем Вайнтробом (1895?–1942?) [Ковальчук 1998b, с. 113–121], с которыми они не раз «обменивались» в рижских газетах научными рецензиями на новые публикации.

И все же некая завеса молчания и забвения лежит на имени Вейдемана. Думается, Вейдеман сторонился приезжавших с 1927 по 1934 г. в Латвию, Ригу, С. Л. Франка, Б. П. Вышеславцева, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, о. Василия (Зеньковского), о. Георгия (Флоровского) [Ковальчук 2015, с. 8–28]. Как участники Русского студенческого христианского движения они бывали в Латвии для чтения лекций, приобщавших к русской культуре и православной вере молодежь, оторванную от исторической родины. Не единожды посещал Ригу И. А. Ильин, но и он не был

замечен среди рижского окружения Вейдемана. Возможно, сдержанное отношение Вейдемана к религиозной философии, религии, вере не связало его с этим кругом мыслителей.

Биография Вейдемана по архивным источникам

Совсем иную, непарадную сторону жизни Александра Викторовича приоткрыли архивные фонды Министерства образования Латвии: дела Русского отдела, личные дела Александра Викторовича Вейдемана, дела рижских средних учебных заведений, в которых он преподавал. Прояснились страницы жизни, полные трудов, забот о семье и хлебе насущном, часто сопряженные с отчаянной борьбой за выживание.

20 октября 1923 г. Вейдеман с супругой Екатериной Александровной и маленьким сыном Левушкой въехал в Латвию, Ригу. В паспорте философа, полученном в консульском отделе Латвии в Петрограде, было написано, что родился он 30 мая 1879 г. в Петербурге, национальность — латыш, вероисповедание — православное, род занятий — педагог [Veidemans Aleksandrs. Personiskā lieta. 1923. g. (Rīgas prefektūras rasu lietu kolekcija), 1. lp]. По приезде Александр Викторович направился в Министерство образования Латвии, где предъявил диплом (за № 12908 от 12 марта 1903 г.) об окончании С-Петербургского университета, историко-филологического факультета. С 1903 г. до октября 1923 г. служил на ниве просвещения, преподавал во многих с.-петербургских учебных заведениях. Первым местом службы стал Морской кадетский корпус, в котором ему довелось работать с 1 сентября 1903 г. по 23 октября 1906 г. Затем последовала служба в 3-м реальном училище (с 23 октября 1906 по 11 ноября 1906 г.), коммерческом училище М. Е. Хворовой (с 15 ноября 1906 по 11 января 1907 г.), в Екатерининской женской гимназии (с 11 января 1907 г. по 14 октября 1919 г.), женской частной гимназии Е. П. Зябловой (с 16 октября 1912 г. по 1 сентября 1918 г.).

Вскоре после октябрьского переворота 1917 г., с 6 апреля 1918 по 1 августа 1918 г. Вейдеман занимал должность заведующего учебным отделом Комиссариата социального обеспечения Петрограда, а с 1 октября 1918 г. был назначен эмиссаром школьного отдела. С 15 июня 1919 г. по 1 июня 1920 г. состоял инструктором школьного отдела. По-прежнему много преподавал, в том числе: на общеобразовательных курсах Федорова (с 1 мая 1918 г. по 1 апреля 1919 г.), в Василеостровской женской гимназии (с 15 октября 1918 г. по 15 января 1919 г.), в реальном училище (приюте) принца П. Г. Ольденбургского (с 15 января 1919 г. по 1 марта 1920 г.). Недолго, с 1 мая 1920 по 1 сентября 1920 г., преподавал литературу в Ольгинской школе, с 6 января 1920 по 20 апреля 1920 г. занимал должность председателя Педагогического совета бывшего 2-го реального училища; вел также уроки на Общеобразовательных курсах Петроградского района № 4 (с 1 марта 1921 г. по 1 июня 1922 г.), на Рабочем факультете — уроки по литературе и латинскому языку (с 1 ноября 1921 г. по 1 мая 1922 г.). С 1 сентября 1922 г. по 1 января 1923 г. числился среди преподавателей Введенской школы. Наконец последнее место работы — с 1 декабря 1922 г. по 1 октября 1923 г., накануне отъезда из советской России, — инструктор Соцвос (социалистического воспитания) Мурманской дороги, там же числился и запасным педагогом. Преподавал русский, литературу, историю, географию, экологию.

По приезде в Ригу 28 октября 1923 г. Вейдеман посетил Каллистрата Жакова, снабдившего его рекомендательной запиской. Вскоре удалось устроиться учителем в несколько учебных заведений Риги: с ноября 1923 г. он работает в Частной женской гимназии Л. И. Тайловой и Частной реальной гимназии А. К. Корти [Sarakste ar Aleksandra Korti privāt krievu sieviešu reālģimnāziju. 1926.–1930. g., 24. lp.], а уже с января 1924 г. начинает читать лекции по философии на Русских университетских курсах [Ковальчук 2003, с. 146–158; Ковальчук 2004, с. 149–151; Цоя С. 2013, с. 146–151], где проработал до лета 1926 г. Учителем в частной Реальной гимназии Э. Залеман [Sarakste ar ar E. Zaleman privāt krievu ģimnāziju, 27., 47., 48. lp.], в Городской еврейской гимназии. С лета 1924 г. начал дополнительно работать в Частной женской гимназии О. Н. Лишиной. 15 августа 1924 г. в частной русской гимназии им. Прасковьи Долгих был назначен председателем педагогического совета на 1924/1925 учебный год, позже занял должность директора. Но летом 1925 г. из-за многомесячной невыплаты заработной платы лишился работы в этой гимназии, да и в других. С января 1926 г. занимал должности директора, председателя педагогического совета, преподавателя вечерней средней школы им. В. И. Блюма [Ковальчук 2009b, с. 139–144], но в конце июля 1929 г. по решению МО школу закрыли. Еще несколько лет числился преподавателем философии в частном Институте практических знаний, но в январе 1929 г. после реорганизации учебного заведения потерял работу [Praktisko zinību institūts. Sarakste, 24. lp.].

Личные дела Вейдемана из фонда Министерства образования свидетельствуют о неудачах в Риге. Гражданство Латвии не освободило его от обязательного знания латышского языка: в феврале 1924 г. он был допущен к преподаванию в средних учебных заведениях, но только как исполняющий обязанности учителя, а не как полноправный учитель [Veidemans Aleksandrs. Personiskā lieta. (Latvijas Izglītības ministrija), 3, 6. lp.]. Летом 1924 г. Александр Викторович для овладения латышским языком посещал в Риге летние Педагогические русские курсы, но так и не овладел языком на достойном уровне.

В августе 1926 г. при заполнении анкеты для школы им. В. Блюма случилась неприятность. Суть заключалась в следующем: еще при получении въездных документов в Латвию в 1923 г. Александр Викторович в графе национальность и подданство написал «латыш и латвийское подданство» [Veidemans Aleksandrs. Personiskā lieta. (Latvijas Izglītības ministrija), 7. lp.]. С таким анкетными данными, по мнению руководителя Русского отдела проф. Ивана Юпатов, следовало бы работать не в русских учебных заведениях, а в школах с латышским языком преподавания. Вейдеман настоятельно требовал от руководителя Русского отдела выдать свидетельство (аплиецибу) для работы в школе с русским языком обучения. Пришлось объясняться, писать прошение Юпатову: «Прошение Вейдемана в Русский отдел для выдачи цензового свидетельства на право преподавания в основных школах. Покорнейше прошу Отдел пересмотреть мое дело и выдать просимую аплиецибу, ввиду того что

1) Латышами были только мои предки, отец был совершенно обрусевшим, а мать чисто русская.

2) По вероисповеданию — православный.

3) Латышом был записан только потому, что заявил, что происхожу из жителей Митавы, т. е. являюсь коренным Курляндцем, так как иначе оппираться и уехать из Совдепии было нельзя.

- 4) Против этой записи я не протестовал, так как, во-первых, не понимал по-латышски, а во-вторых, так как из России русских выпускали с большим трудом.
- 5) Мой родной язык — только русский.
- 6) Я — русский не только по семейному воспитанию и по школе (воспитывался в 9-й мужской Петроградской гимназии).
- 7) 20 лет работал в Петрограде только в русских школах.
- 8) 3 года работал в Риге только в русских школах, теперь перешел в Евр[ейские].
- 9) В школах работал и в основных классах.
- 10) Читал в 1924 г. лекции на Русских учительских курсах и сам выпускал, кроме того и на Рус[ских] Унив[ерситетских] курсах, не одну сотню учителей и учительниц русских основных школ.
- 11) Никаких средств к жизни не имею, могу работать только на педагогическом поприще и в других отделах, кроме русского, работать не могу.
- 12) Невыдача цензового свидетельства для меня равна лишению всех прав на существование без суда и следствия» [Veidemans Aleksandrs. Personiskā lieta. (Latvijas Izglītības ministrija), 15. lp.].

Вейдеман получил просимый документ 10 сентября 1926 г., но только временный, с допущением работать в основной школе на русском языке. Документ продлевался до лета 1929 г. В том же 1926 г. и в последующие годы не раз подавал прошения в Русский отдел для получения работы в школах Риги, Лудзы, Резекне, но получал отказ.

Внучка философа А. Вейдеман передала скромную подборку газетных вырезок, из которых следует, что Александр Викторович часто бывал с лекциями в Вильно, Каунасе. Публичные выступления служили скромным источником пополнения семейного бюджета. Помимо чтения лекций в Религиозно-философском кружке при виленском Русском обществе печатался в местных периодических изданиях, к примеру в либеральной ежедневной общественно-литературной, политической и экономической газете «Наша жизнь», выходившей в Вильно в 1928–1930 гг. Публицистика, интервью Вейдемана печатались в либеральной виленско-варшавской ежедневной независимой общественно-политической газете «Русское слово», выпускавшейся с 1932 по 1939 г. Сотрудничал и с еженедельной газетой «Новые дни», выходившей в Каунасе в 1935–1939 гг. Вот несколько названий статей Вейдемана: «К проблеме Воскресения», «Россия, Германия и Прибалтика — во взаимообмене культурными ценностями», «Русь — манящая страна», «Православие в Латвии», «История России — Власова-фон-Вальденберга». Был ли Александр Викторович активным автором рижских газет? Пока на этот вопрос невозможно ответить утвердительно.

Дополнительные сведения о поворотах в судьбе Вейдемана, его семьи неожиданно обнаружили и в Праге, и в Риге. В пражском архивном фонде Бориса Яковенко сохранилось около 20 писем Вейдемана к Яковенко, которые ждут своей обработки. В ЛГИА, в фондах Административного департамента Министерства внутренних дел Латвии, в делах о выдаче заграничных паспортов сохранилось дело Вейдемана.

Согласно документам, 1 мая 1935 г. Александр Викторович начал оформлять заграничный паспорт. В заявлении он просил выдать паспорт бесплатно, поскольку собирался читать лекции по-русски по русской философии с целью получения дохода для семьи. На заявлении начертана резолюция: «очень беден, и в Латвии ему очень трудно найти сколь-нибудь соответствующую работу» [Veidemans

Aleksandrs. Personiskā lieta. (Iekšlietu Ministrijas Administratīvais departaments), 1. lр.]. В последующие годы Вейдеман исправно просил продления срока действия паспорта, и латвийские власти шли ему навстречу. География его лекционных курсов, как указывалось в прошениях, — Польша, Литва, Югославия, Финляндия, но неизвестно, где в точности читались лекции. Как ни был скромен доход Вейдемана, и в 1936, 1937, 1938 гг. он исправно публиковал свои книги. Наступил и 1939 год — год 60-летия Александра Викторовича. В честь юбилея на средства автора вышла в свет последняя монография Вейдемана — «Оправдание зла». К этому времени его семья перебралась из Риги в деревянный домик на берегу Рижского взморья (ныне г. Юрмала) по адресу: улица Йомас, дом 50, кв. 1. Уже в том же году, 28 августа, он просил МВД Латвии продлить паспорт с целью посетить Литву и Финляндию [Veidemans Aleksandrs. Personiskā lieta. (Iekšlietu Ministrijas Administratīvais departaments), 1., 4., 6., 8., 11. lр.].

О дальнейшем мы можем судить предположительно. Рецензия Гр. Ландау на книгу «Оправдание зла», появившаяся в 57-м номере газеты «Сегодня», ее тональность наводят на мысль если не о кончине Вейдемана, то, возможно, о репатриации в Германию [Ландау 1940, с. 6].

Отъезд в Германию немецко-русского и немецко-латышского населения прошёл осенью 1939 — весной 1940 г. Советская власть установилась в Латвии 17 июня 1940 г. Но отъезд вновь продолжился со второй половины января 1941 г. Согласно договору между СССР и Германией о переселении лиц немецкой национальности, из Латвии, уже советской, уезжали (если их выпускали) те, кто за первое полугодие нового политического порядка не попал в поле зрения властей или смог оценить, по количеству арестованных и вызванных на допрос знакомых, мощь катка репрессий советского режима, уезжали и те, кому категорически была чужда навязываемая идеология [Гроссен 1994, с. 173–192]. В Латвии по разным причинам предпочло остаться незначительное число немцев. В 1990 г. проф. Дитрих Андрей Лебер (Loeber), проживавший в Гамбурге, пытался помочь прояснить судьбу Вейдемана, но поиски документальных свидетельств в банке данных балтийских немцев, выехавших из Латвии в Германию в 1939–1941 гг., оказались бесплодными.

Что стало с Вейдеманом после прихода в Латвию Красной Армии? Следы его затерялись. За все годы поисков я не встретила в Латвии ни одного человека, знавшего или слышавшего имя философа. 24 мая 1999 г. из Вильнюса было получено письмо от приемной дочери профессора Василия Сеземана — Наталии Климанскене. В нем написано следующее: «Я лично знала Вейдемана, он до войны бывал у нас в Каунасе. Есть у меня и его книга “Оправдание зла”. Думаю, что он умер во время войны, так как никаких сведений о нем мы не имели позже».

Узнав в архиве о последнем адресе семьи Вейдеманов на Рижском взморье, начался поиск сведений уже в архиве Отдела записей актов гражданского состояния г. Юрмалы. Оказалось, похоронили Александра Викторовича в начале января 1943 г. в Лиелупе на небольшом старинном кладбище.

Повторюсь, что первая публикация о философе и педагоге Александре Вейдемане появилась в латвийской печати в мае 1989 г. Понадобилось 24 года для восстановления его судьбы в Латвии, для поисков родственников. Выясненные факты реальной жизни философа позволяют воспринимать две автобиографии Вейдемана — «Мой философский путь» и «Мои труды» — с новой критической смысловой нагрузкой.

Источники и литература

- Вейдеман А. В. Оправдание зла. Рига: Логос, 1939. 212 с.
- Вейдеман А. В. Трагика как сущность искусства, религии и истории. Рига: [Б. и., изд. А. В. Вейдеман], 1938. 336 с.
- Гессен С. И. Мое жизнеописание // Вопросы философии. 1994. № 7/8. С. 150–181.
- Гроссен Г. Жизнь в Риге: Воспоминания // Даугава (Рига). 1994. № 4. С. 165–192.
- Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с.
- Ковальчук С. Н. Взыскуя Истину... (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. Середина XIX века — сер. XX в.). Рига: LU FSI, 1998. 246 с.
- Ковальчук С. Н. Из истории высшей школы в довоенной Латвии: евреи на русских Университетских курсах в Риге (1921–1937) // Евреи в меняющемся мире. Т. 4. Рига: Фонд «Шамир» им. М. Дубина, 2003. С. 146–158.
- Ковальчук С. Н. Константин Иванович Арабажин // Покровское кладбище. Слава и забвение // Сборник статей / сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига: MultiCentrs, 2004. 312 с.
- Ковальчук С. Н. Молодежная организация Русского Зарубежья: деятельность РСХД в Латвии (1927–1934) // Русский мир и Латвия. Альманах (Рига). 2015. № XXXIX. С. 8–28.
- Ковальчук С. Н. Перекресток судеб и домов: архив рижской вечерней школы для взрослых им. Вениамина Блюма // Евреи в меняющемся мире. Т. 6. Рига: Центр изучения иудаики Латвийского университета, 2009а. С. 139–144.
- Ковальчук С. Н. Рижский архив Каллистрата Жакова // Россия и Балтия. Вып. 5. Войны, революции и общество. М.: Наука, 2008. С. 185–210.
- Ковальчук С. Н. Романтическая душа Марка Вайнтроба // Евреи в меняющемся мире. Т. 2. Рига: Фонд «Шамир» им. М. Дубина, 1998. С. 113–121.
- Ковальчук С. Н. Русская философия в Латвии: страницы истории // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 19. 2009b. С. 65–93.
- Ландау Г. «Оправдание зла». Рецензия // Сегодня. 1940. № 57. С. 6.
- Мишеев Н. И. Наука и книга. К рецензии о книге А. Вейдемана // Я все знаю (Рига). 1932. 31 января. С. 2.
- Цоя С. Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии // Русский мир и Латвия. Альманах (Рига). № XXXII. С. 18–200.
- Veidemanns Aleksands. Personiskā lieta // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 3234. F. (Iekšlietu Ministrijas Administratīvais departaments). 24. Apr. 16978. L. 1, 4, 6, 8, 11. lp.
- Veidemanns Aleksands. Personiskā lieta // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 1632. F. (Latvijas Izglītības ministrija). 1. Apr. 22894. L. 4, 5, 7, 15, 28. lp.
- Veidemanns Aleksands. Personiskā lieta // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 1632. F. (Latvijas Izglītības ministrija). 1. Apr. 22895. L. 3., 6. lp.
- Veidemanns Aleksands. Personiskā lieta 1923. g. // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 2996. F. (Rīgas prefektūras pasu lietu kolekcija). 20. Apr. 9115. L. 1. lp.
- Praktisko zinību institūts. Sarakste. 1929.–1931. g. // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 6648. F. (Latvijas Izglītības ministrija). 1. Apr. 426. L. 24. lp.
- Sarakste ar Aleksandra Korti privāt krievu sieviešu reālgimnāziju. 1926.–1930. g. // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 2125. F. (Latvijas Izglītības ministrija. Krievu skolu pārvalde). 1. Apr. 831. L. 24. lp.
- Sarakste ar ar E. Zaleman privāt krievu ģimnāziju. 1923.–1925. g. // Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 2125. F. (Latvijas Izglītības ministrija. Krievu skolu pārvalde). 1. Apr. 851. L. 27, 47, 48. lp.

References

- Veideman A. V. *Opravdanie zla* [*The justification of evil*]. Riga, Logos Publ., 1939. 212 p. (in Russian)
- Veideman A. V. *Tragika kak sushchnost' iskusstva, religii i istorii* [Tragedy as the essence of art, religion and history]. Riga: [S. p., publ. A. Veideman], 1938. 336 p. (in Russian)
- Gessen S. I. *Moe zhizneopisanie* [My life story]. *Voprosy filosofii* [*Questions of philosophy*], 1994, no. 7/8. 150–181 p. (in Russian)

Grossen G. Zhizn' v Rige: Vospominaniia [Life in Riga: Memories]. *Daugava (Riga)*, 1994, no. 4, 165–192 p. (in Russian)

Dmitrieva N. A. *Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki [Russian Neokantianism: “Marburg” in Russia. Historical and philosophical essays]*. Moscow, ROСПEN Publ., 2007. 512 p. (in Russian)

Koval'chuk S. N. *Vzyskuia Istinu... (Iz istorii russkoi religioznoi, filosofskoi i obshchestvenno-politicheskoi mysli v Latvii. Iu. F. Samarin, E. V. Cheshikhin, K. F. Zhakov, A. V. Veideman. Seredina XIX veka — ser. XX v.) [The Search for the Truth. Russian Philosophical thought in Latvia: J. Samarin, E. Cheshikhin, K. Zhakov, A. Veideman]*. Riga: LŪ FSI [University of Latvia, Institute of Philosophy and Sociology], 1998. 246 p. (in Russian)

Koval'chuk S. N. Iz istorii vysshei shkoly v dovoennoi Latvii: evrei na russkikh Universitetskikh kursakh v Rige (1921–1937) [Jews in the High Russian School in Latvia (1921–1937)]. *Evrei v meniaiushchemsia mire [Jews in a changing world]*. Vol. 4. Riga, The M. Dubin Foundation “Shamir”, 2003, pp. 146–158. (in Russian)

Koval'chuk S. N. Konstantin Ivanovich Arabazhin [Konstantin Ivanovich Arabazhin]. *Pokrovskoe kladbishche. Slava i zabvenie [Pokrov cemetery. Fame and oblivion]*. Digest of articles. Comp. S. Vidjakina, S. Kovalchuk. Riga: MultiCentrs, 2004. 312 p. (in Russian)

Koval'chuk S. N. Molodezhnaia organizatsiia Russkogo Zarubezh'ia: deiatel'nost' RSKhD v Latvii (1927–1934) [The Youth Organization of Russian abroad: activities RSCM in Latvia (1927–1934)]. *Russkii mir i Latvia [Russian world and Latvia]*. Almanach [Almanac]. Riga, Seminarium Hortus Humanitatis, 2015, no. XXXIX, pp. 8–28. (in Russian)

Koval'chuk S. N. Perekrestok sudeb i domov: arkhiv rizhskoi vechernei shkoly dlia vzroslykh im. Veniamina Bliuma [Crossroads of Fates and Houses: archive of Veniamin Blum Riga's „evening” School for Adults]. *Evrei v meniaiushchemsia mire [Jews in a changing world]*. Riga, Center for Judaic Studies at the University of Latvia, 2009, vol. 6, pp. 139–144. (in Russian)

Koval'chuk S. N. Rizhskii arkhiv Kallistrata Zhakova [Riga's Archive of Kalistrat Zhakov]. *Rossii i Baltiia [Russia and Baltia]*. Vip. 5 [Wars, Revolutions and Society]. Moscow, Nauka, 2008, pp. 185–210. (in Russian)

Koval'chuk S. N. Romanticheskaiia dusha Marka Vaintroba [Mark Vaintrob's Romantic Soul]. *Evrei v meniaiushchemsia mire [Jews in a changing world]*. Vol. 2. Riga, The M. Dubin Foundation “Shamir”, 1998, pp. 113–121. (in Russian)

Koval'chuk S. N. Russkaia filosofiiia v Latvii: stranitsy istorii [Russian Philosophy in Latvia: history pages]. *Veche. Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury [Veche. Journal of Russian philosophy and culture]*, 2009, issue 19, pp. 65–93. (in Russian)

Landau G. «Opravdanie zla». Retsenziiia [«The justification of evil». Critique]. *Segodnia [Today]*, 1940, no. 57, pp. 6. (in Russian)

Misheev N. I. Nauka i kniga. K retsenzii o knige A. Veidemana [Science and book. For reviews of the book by A. Veideman]. *Ia vse znaiu [I know everything]* (Riga), 1932, 31 Jan, p. 2. (in Russian)

Tsoia S. Russkii institut universitetskikh znanii v mezhvoennoi Latvii [Russian Institute of University Knowledge interwar Latvia]. *Russkii mir i Latviia [Russian world and Latvia]*. Almanach (Riga), 2013. no. XXXII, pp. 18–200. (in Russian)

Veidemans Aleksands. Personiskā lieta. *Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs*. 3234. F. (Iekšlietu Ministrijas Administratīvais departaments). 24. Apr. 16978. L. 1, 4, 6, 8, 11. lp.

Veidemans Aleksands. Personiskā lieta. *Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs*. 1632. F. (Latvijas Izglītības ministrija). 1. Apr. 22894. L. 4, 5, 7, 15, 28. lp.

Veidemans Aleksands. Personiskā lieta. *Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs*. 1632. F. (Latvijas Izglītības ministrija). 1. Apr. 22895. L. 3., 6. lp.

Veidemans Aleksands. Personiskā lieta 1923. g. *Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs*. 2996. F. (Rīgas prefektūras pasu lietu kolekcija). 20. Apr. 9115. L. 1. lp.

Praktisko zinību institūts. Sarakste. 1929.–1931. g. *Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs*. 6648. F. (Latvijas Izglītības ministrija). 1. Apr. 426. L. 24. lp.

Sarakste ar Aleksandra Korti privāt krievu sieviešu reālģimnāziju. 1926.–1930. g. *Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs*. 2125. F. (Latvijas Izglītības ministrija. Krievu skolu pārvalde). 1. Apr. 831. L. 24. lp.

Sarakste ar ar E. Zaleman privāt krievu ģimnāziju. 1923.–1925. g. *Latvijas Nacionālais Arhīvs, Latvijas Valsts vēstures arhīvs*. 2125. F. (Latvijas Izglītības ministrija. Krievu skolu pārvalde). 1. Apr. 851. L. 27, 47, 48. lp.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2015 г.